

* * *

Каждую ночь я засыпаю в три.
Мысли кричат, мне не давая заснуть.
Каждую ночь я хочу, чтобы ты говорил,
Чтобы глаза открывал мне, и в самую суть
Мы уходили от множества голосов –
Тех, что сидят у меня в голове. Внутри
Маленькой комнаты, запертой на засов,
С тяжелым амбарным замком на дубовой двери.
Каждую ночь я прошу тебя: не оставь...
«Отче наш, иже еси на небесах...»
Я никогда не просила, и вдруг представь –
Он оградил меня ото всех.
В маленькой комнате, запертой на засов,
С тяжелым амбарным замком на дубовой двери,
Тысячи лиц его и его голосов,
Вместе со мной засыпающих ровно в три.

(октябрь 2014)

* * *

Дети Севера спят. А дождливый порывистый ветер
Клонит кроны деревьев таёжных на юго-восток.
Имя каждого спящего в строгом хранится секрете.
Отдаваясь от стен, чуть доносится их шепоток.

Дети Севера слишком давно не ходили на капище.
Снится им золотая богиня Конды – Сорни Най.
Укрывает их сон будто мягкой медвежьей лапищей,
Шепчет, словно лесной ручеек: «Вспоминай, вспоминай...»
Детям Севера снится тайга с вековыми кедрами,
Снится им белый мох под босыми бегущими стопами,
Золотые боры, на грибы и ягоды щедрые,
И таежный дневник, что исписан звериными тропами.

Когда кончится дождь и утихнет порывистый ветер,
Когда реки войдут в берега, с глаз падет пелена.
Имена, что так долго хранились в строжайшем секрете,
Вдруг откроют.
И мы прочитаем свои имена.

(июль 2015)

* * *

Трещит
мой непробиваемый щит
по швам.

Зашит
белой ниткой, и точно останется
шрам.

А ты...
Как ты там?
Без меня? Не тесно в груди?

Еще
пару дней... пару лет... пару жизней
жди.

Ещё
пару зим под сорок
перетерпеть.

Ещё
сотню раз присниться...
О чём жалеть?

И думать
без пауз,
пытаясь переболеть...

Как ты?
Какой ниткой свой шрам зашивал,
ответь...

А мой
шрам
зарубцевался уже
на треть.

(октябрь 2014)

* * *

Беснуется море внутри меня. Точит скалы.
В мощном водовороте швыряет фрегат.
Там, на борту, экипаж с непокорным оскалом
Борется с бурей, и кажется, даже ей рад:
И боцман бывалый, уставший от нудного штиля,
И бойкий матрос, захиревший от тишины,
Ничуть не боятся свирепой воды под килем,
И вымокнуть в брызгах холодной соленой волны.
И слышно сквозь ветер, старательно парус рвущий,
Сквозь грохот упавших рей и треск парусов,
Как песни мотив возникает, становится гуще
В могучем, размеренном тембре мужских басов.
В противостоянии этом с девятым валом,
Давно преступив всевозможных границ черты,
На палубе, светлой от молний, стоишь у штурвала
И правишь фрегат напрямую сквозь бурю ты.

(октябрь 2015)

* * *

Мой дракон изрыгает огонь из зубастой пасти,
Хлещет в разные стороны пламя, взмывая ввысь.
Убегают, звеня доспехом, от этой напасти
Все самые смелые рыцари, что здесь собрались.
Он ломает деревья с домами и крошит стены
Крепких замков в округе, от них остается пыль.
Не боится его только дед у пустой таверны:
Он с усмешкою смотрит, крепче держа бутыль.
В момент опустевший город спалил крылатый.
Табун королевских коней, зверюга, погрыз...
А мне все равно! Даже если предъявят к оплате,
Скажу: «Выводили чумы переносчиков – крыс!»
Ну вот, надо драпать. Дракон успокоился вроде:
Стоит, догрызает от замка оставшийся мост...
Рукой прикоснусь осторожно к чешуйчатой морде:
«Прости... Я случайно тебе наступила на хвост...»

(октябрь 2014)

* * *

Март кроил паруса, строил лодку из дерева гофер.
И скользил, и струился в руках его парусный шёлк.
Я влюблённо смотрела на Марта классический профиль,
И пыталась запомнить, пока он опять не ушёл.
Март кроил паруса и, меня проверяя на прочность –
То язык отнимал, то учил, как ребёнка, ходить.
Каждый год я пыталась ему написать хоть строчку,
Но за несколько лет ни одной не смогла посвятить.
Я сжигала слова, я все письма бросала на ветер,
И летели по ветру бумажной они эскадрилейей.
Но однажды одно из них Март прочитал и ответил,
Что кроил паруса. Передумал – и выкроил крылья.

(январь 2017)

* * *

Расцветёт невесомый
под сердцем цветок.
Ты ему – ветерок.
Ты ему – ручеек.
Время льётся сквозь пальцы
в горячий песок.
Ты – в груди уголёк.
Ты – вдали огонёк.
Грусть нахлынет волной
и затянет в поток.
Ты как море глубок
И как море далёк.

(июнь 2017)

* * *

Мам, он живет во мне вспышками, всплесками,
Яркими искрами, треском костра.
Мама, его появления резкие.
Память – обрезки, а я пуста.
Мам, я пишу его имя на коже
Подчеркнутым хрупкой своей ключицей.
Мама, все это невысказано сложно,
Но наша с ним встреча никак не случится.
Мам, он уходит, а жизнь не гаснет.
Не меркнет мир, не трещит броня.
Мама, мне кажется, это НАС нет.
Будто бы ОН придумал меня.

(2014)

* * *

Мне бы вывернуться наизнанку, чтоб тебя вытащить.
Соскоблить острием со стенок своей души.
Чтобы новый образ вместо тебя в себе выточить.
Чтобы голос твой в голове навсегда заглушить.
Чтобы больше не поддаваться приступам ярости,
Чуя, как под ребрами боль и обида шевелятся.
Это так глубоко сидит, что верней всего в старости
На беззубой десне хлебной крошкой перемелется.
А пока оно глохнет. И вновь накрывает жгучими,
Глотку рвущими криками, спрятанными в ладонь.
И молчанье твое не потушит меня: горячее,
Оно льется в мой бешеный, плотный, пунцовый огонь.

(2014)

* * *

Я, крепко обняв нарядную куклу,
Сажу в самолёте. Ей страшно взлетать.
Пусть рядом сидящий сочтет меня глупой.
Плывать.
Взлетим. Я её отложу аккуратно
В сторонку. Отмечу – до встречи лишь ночь.
Посадка. И я эту куклу обратно
На руки к себе прижимаю, как дочь.
И чувствую в сердце своём самолетик –
Перроны, вокзалы, небесная синь...
Я вечно в пути, постоянно в полёте.
Саму себя трудно простить.
Я, крепко обняв нарядную куклу,
Сажу на вокзале. До встречи лишь ночь...
Пусть каждый, кто видит, сочтёт меня глупой.
Плывать.
Меня
дожидается
дочь.

(Вокзал, Екатеринбург, декабрь 2015)